

1

— Ваше мнение, Василий Романович? — вдруг пробился в его сознание голос Сахно, председательствующего на совещании, которому, казалось, конец никогда не наступит.

Черкесов мигом проснулся. В это время кто-то включил свет, так как в конференц-зале стало темно из-за сумерек, а расходиться команды не поступало. Черкесов сощурил глаза от непривычно яркого света, сонно спросил:

— Что вы сказали?

— Нет, уважаемые, — развел руки в стороны Сахно, — так мы никогда не закончим. Мне что же, повторять по сто раз? Сегодня уже тридцатое декабря! Мы заседаем последний день перед рождественскими каникулами, а вы все о чем-то грезите. Будьте добры, ножки в стороны... — Кто-то громко хихикнул. — Я не в том смысле! Не о женских ножках думайте... я имею в виду — посторонние вопросы отодвиньте в сторону. А вы что подумали?

Ой, скукотень! Черкесов едва сдерживался, чтобы не зевнуть во весь рот.

— Предлагаю перенести вопрос о продаже завода на январь, когда выйдем после каникул, — сказал, поднявшись, один из прозаседавшихся.

И его дружно поддержали члены городской думы, состоящей всего-то из одиннадцати человек. Но эти одиннадцать человек никак не могли столковаться и толкнуть якобы нерентабельный завод дяде со стороны.

— Ну и ладно, — собирая со стола документы, проворчал Сахно. — Прошу вас хорошо подумать и прийти к единому мнению...

— Которое заключается в том, чтобы дать согласие пустить завод с молотка, — сострил некто наверняка из противоборствующей партии.

— А вот этого не надо! — нахмурился Сахно, недовольный тем, что городская дума не пришла к мирному урегулированию вопроса. — Не надо подкалывать меня. Некоторые, — подчеркнул он, — думают: тайное голосование, то да се... Не надейтесь. Желаю всем приятно встретить Новый год. До свидания.

Черкесов как юноша сбежал вниз, надел свою новую дубленку, пыжиковую шапку взял в руки и вышел на улицу. У здания администрации невольно замер.

Зимние сумерки... Они полны магии и очарования. Особенно когда к сумеркам присоединяется размеренное и неторопливое падение снежных хлопьев. И при этом ни ветра, ни слякоти, ни прочих каверз изменщицы-погоды. Нет, зима радовала умеренным морозом и снежным покровом, когда, казалось, сама природа город очищает. А вот весной начнется самая настоящая распутица. Несмотря на асфальт и тротуары, город станет напоминать болото или сточную канаву, потому что в последние годы дороги не ремонтировались. Да и армия уборщиков поредела — не хотят власти платить за уборку территорий, а бесплатно махать метлой и лопатой желающих нет. Но до весны еще ой как далеко. Сегодня же под медленно падающими снежинками тянуло побродить по сумеречным улицам, подумать... А возможно, совсем ни о чем не думать, просто бродить...

Крупные снежные хлопья мягко оседали на дубленке и волосах, а Черкесов так и не надевал шапку. Хотелось хоть сейчас ненадолго остановиться и насладиться покоем, падающим снегом, звездами в ясную погоду. А то все не хватает

времени на такую лирику. Вон, похоже, и проходим некогда притормозить — несутся на бешеной скорости, их не умиляет тихий снегопад, им надо притащить сумки с продуктами да елки домой, подготовиться к Новому году.

Зазвонил сотовый, не дав Черкесову возможности налюбоваться красотой. Он достал трубку и нехотя поднес к уху.

— Ты когда вернешься? — услышал скрипучий голос жены.

— Не знаю, — с честной интонацией соврал Черкесов. Врал он часто, особенно жене. — Только что объявили перерыв, я выскочил вдохнуть свежего воздуха, голова трещит. Думаю, приеду домой не скоро, вопросов накопилось...

— Поторопись, — произнесла она, плохо скрывая досаду. — Мама уже приехала, мне неудобно перед ней. Хоть раз в жизни появись дома вовремя.

Она отключилась от связи, не выслушав оправданий, которые были заготовлены давно и собирались слететь с уст мужа. Подозревает. Она всегда его в чем-нибудь подозревает. Иногда ему кажется, что жена про него знает все-все, но вслух высказывает только подозрения. Собственно, Черкесову от этого ни холодно, ни жарко. Пусть подозревает — да хоть выслеживает! — это ее личное дело. Был бы повод, а скандальчик он ей всегда закатит. Тут еще теща решила праздник испортить — прикатила. Ух, как народ прав, придумывая злые анекдоты про тещ! Интересно, существует хоть один мужик на свете, благоговеющий перед тещей? И существуют ли тещи, не заслуживающие секиры, яда, пули или хотя бы кулака в глаз? По мнению Черкесова, всех тещ следует насильно согнать в концлагерь, оградить железным пятиметровым забором, по которому пустить ток десять тысяч вольт, чтобы ни одна не выбралась на волю. Пусть они там пьют кровушку друг у друга. Нет, встречаться с тещей у него не было намерения. Во всяком случае в ближайшие не-

сколько часов. Вспомнив о времени, он посмотрел на часы — половина шестого. Пора разрядиться. Нахлобучив пыжиковую шапку на голову, он глубоко вдохнул морозного воздуха...

— Вася, тебе не жалко достояние города отдавать в чужие руки?

Опять двадцать пять — продолжение заседания! Черкесов повернулся на голос, состроив кислую мину:

— Прохор Никитич, давайте перестроимся на праздник. Сколько бы мы ни сотрясали воздух, завод отберут. Ну, банкрот завод, банкрот. О чем тут спорить?

— Банкротство-то липовое, — хмуро возразил Бубулин. — А это уголовщина.

— Политические силы в стране распределились так, что те, кто стоит ступенью выше, всегда правы и всегда со знаменем победы.

Прохор Никитич Бубулин — человек пожилой и постоянный оппонент думскому большинству, в которое входит и Черкесов. И тем не менее они сохраняли дружеские отношения.

— Так какого черта на нас давят? — справедливо возмутился он, нахмутив лохматые брови. — Столько часов штаны протирали, и все зря? Без нас бы и забирали.

— А это называется демократия, — улыбнулся Черкесов. — Сначала наше мнение, потом барское разумение, вот и вся арифметика. Так сложилось, Прохор Никитич, что мы с вами очутились чуток ниже, нам и принимать условия. Есть же люди, сидящие ниже нас, и мы диктуем им, так ведь? Потом наши-то обленились, работать не хотят. А придет человек со стороны и, вполне вероятно, поставит дело на ноги.

— Циничный подход к делу, — вздохнул с пригорбим Прохор Никитич. — Не видать этой стране возрождения, раз никому нет дела до ее богатств. Своим согласием мы отдадим завод в

частные руки. А из бюджета города платят зарплату учителям, врачам... И пополняется казна градообразующими предприятиями, каким был до недавнего времени завод. И вдруг перестал быть таковым. Бессовестно. А как бы ты, Вася, посмотрел, если бы твой завод какой-то пацан надумал отнять?

— Отрицательно, — отшутился Черкесов.

Бубулин безнадежно махнул рукой и пошел прочь, даже не попрощавшись. А Черкесов, вздохнув, подумал: порядочность и честность давно стали анахронизмами, эти качества поднимаются на смех, разумеется, за спинами обладателей сих достоинств. Над Прошей в думе потешались, называли за глаза дураком, придумали и кличку обидную — Бубуин, а некоторые звали его еще более конкретно — Бабуин. Взрослые люди, мужчины (в городской думе нет ни одной бабы, к счастью), а злословят за спинами, дают друг другу клички, интригуют по мелочи. Ну прямо как школьники, право слово, будто иных забот нет. Лично он, Василий Романович Черкесов, в думских интригах не участвует по одной причине — лень. И не отстаивает ничьи интересы, а удачно лавирует между оппонентами и ведет примиренческую политику. Ему что, больше всех надо? Революционеры нынче не в моде, да и хлопотно это — борьба за ненужную справедливость. Он предпочитает мирную жизнь и комфортабельный отдых. Депутатство для него — престиж, выгода, когда можно свои дела уладить, и дополнительный доход, хотя в доходах он особо не нуждается.

Стемнело. Черкесов сел в свою новую машину, выехал с места стоянки, предвкушая дивный вечерок в объятиях красотки Аллы. Буквально за поворотом он заметил на остановке прыгающего от холода приятеля. Неудивительно, что тот подпрыгивал на месте: куртка на нем далеко не зимняя, вместо сапог туфли, да и брюки по сегодняшней погоде могли бы быть плотнее. Черкесов притормозил, приоткрыл дверцу и скомандовал:

— Федька! Бегом в машину!

Тот несказанно обрадовался, залез в салон и потер руки:

— Ну и холодина! Привет. Мне на Камчатскую. Тебе по пути?

— Даже если не по пути, доставим, — пообещал Черкесов. На него вдруг упало благодущие, такие моменты иногда случаются, важно их не упустить тому, кому обещаются золотые горы. — Одет ты слабовато для зимы. Знаешь что, подъедь ко мне... завтра утром, подкину кое-что из тряпок. А то так недолго и дуба дать.

— Мы не гордые, примем материальную помощь, — хмыкнул приятель.

— Ты посиди, а я в магазин заскочу, — паркуясь у обочины, сказал Черкесов.

Он вбежал в магазин купить провиант для чудного вечерка. С пустыми руками идти к любовнице как-то не с руки, Черкесов все же не бедный человек. Да и кто где видел бедного депутата? Даже в кино таких не показывают, значит, их вообще нет.

Продавщица уложила в пакет шампанское, вино, коньяк, минералочку и сок — топливо для подогрева страстей. В другой пакет последовали икра, кета, креветки, салями, бекон и копченая курица — для восстановления сил. Затем зефир в шоколаде и конфеты — на поддержание тонуса. Да еще ананас. Алка обожает всякие несъедобные экзотические фрукты, а Черкесова от ананасов и бананов воротит. Что еще? Сигареты для вдумчивой паузы! Он купил пачку себе и пять пачек Алле. Такие дорогие сигареты она не покупает, но курит только их, поэтому покупать приходится ему. Теперь все.

Расплачиваясь в кассе, он бросил взгляд через стеклянную витрину на улицу, туда, где стояла его любимица «Тойота Королла», он называл автомобиль «самураем». Заметив, что Федька уселся на сиденье водителя, усмехнулся. Да, этот железный конь восхитит кого угодно. Если бы Чер-

кесову поставили условие выбирать между Аллой, женой с детьми или «самураем», перед ним встала бы серьезная проблема. Нет, Аллу с женой можно сразу по боку, бабы нынче не дефицит. А вот насчет машины и детей... тут неизвестно, кто перевесит.

Он вышел из магазина с двумя увесистыми паке-тами, и вдруг... рвануло.

Рвануло с такой силой, что задребезжали стекла магазина, а в киоске, который находился у обочины, они просто-напросто посыпались. В потемневшее небо взметнулся столб пламени с густым черным дымом, часть улицы осветилась адским огнем.

— Машина взорвалась! — пронеслось по толпе возле магазина.

Из магазина покупатели кинулись на улицу, на-скакивая друг на друга, — все хотели посмотреть на бушующее пламя. Он перевел взгляд на обочину... там действительно неистово горела машина.

Василий Романович окаменел, открыв рот и вытаращив глаза. Кто же не окаменел бы, увидев родного и ненаглядного «самурая» в огне? А горел именно он! Горели пятнадцать штук «зеленых»! Го-рели так, словно это кипа бумаги, а не металл на колесах. Пламя гудело, черный дым валил, подни-маясь в небо, из салона в окна яростно вырывались желто-красные языки, как из огнемета, и тянулись к соседним машинам. Разве такое реально? Черкесов не верил глазам своим, посему не бежал в панике к «самураю», не рыдал, оплакивая утрату, а словно прилип ступнями к площадке у магазина. Слыша-лись вопли, визг, крики, туда-сюда сновали люди. Владельцы соседних машин бросились спасать своих железных коней, заезжали прямо на тротуар...

— Человек! В машине человек! — доносились го-лоса с места взрыва. Некоторые пытались подойти ближе, да куда там!

Один Черкесов стоял на месте и смотрел на лю-бимца, не понимая, почему тот горит. Кто-то выбежал из магазина с огнетушителем, толк-

нув при этом Черкесова. Василий Романович едва не упал, однако удержался на ногах и снова без эмоций уставился на горевшую машину. Его машину, купленную недавно за бешеные бабки!

— Заказуха, — услышал он за спиной сиплый мужской голос.

Голос привел Черкесова в чувство, он оглянулся. За ним стоял мужчина примерно его возраста — лет сорока — и бесстрастно смотрел на пожарище.

— Как? — прорезался голос у Черкесова. — Какая заказуха?

— Да ты что, сам не видишь? Гляди, как полыхает. А рвануло как! Не бензобак, уж поверь. Это бомба. И мощная. Полкило тротила. Да точно, в машину подложили бомбу.

— Ну вы загнули! — встрял в разговор еще один мужчина, наблюдавший за пожарищем от магазина. — Не полкило, всего-то граммов сто, даже меньше. Но с бомбой вынужден согласиться, вы правы — взорвалась бомба. А чья машина?

Черкесов рассеянно повернулся к пожарищу. Заказуха? Бомба? Смысл слов не доходил, однако мысли с натугой ворочались: «В мою машину подложили бомбу? Зачем? Там же Федька...» И пока он искал ответ на вопрос «зачем?», раздался еще один взрыв, от которого все вздрогнули.

— А вот теперь бензобак рванул, — сообщил мужчина с сиплым голосом.

Следом за спиной посочувствовала женщина:

— Кого ж это убили, а? Вот ироды, перед праздником человека грохнули!

Черкесова как подстрелили. Он, буквально физически ощутив осколок в сердце, будто тот отлетел от горевшего автомобиля и вонзился в грудь, на миг потерял способность соображать, едва не упав без чувств. Глубокими вдохами Черкесов унимал сердцебиение, глядя на горевшего «самурая». Вот зачем подложили бомбу — чтобы убить! И убили.

12 Федьку! Нет, убили Черкесова. Значит, уби-

ли депутата городской думы, крупного предпринимателя города, который содержит телевизионный канал, спонсирует различные мероприятия, иногда помогает детскому дому и который собирался баллотироваться в областную думу. Убили Черкесова, которому легко давались земные блага, и потому ему казалось, что этому не будет конца. Убили местного политика, наделенного талантами дипломата и умеющего ладить со всяческой шушерой вроде нынешних руководителей города, а также с остальными кастами из многообразной человеческой породы. Убили человека, который...

Василий Романович мог бесконечно долго перечислять свои заслуги и способности, но... его убили. Взорвали, полагая, что именно он находится в машине. А там сидел Федька, друг детства, отец двоих детей, славный мальчик, перебивавшийся с копейки на копейку, потому что не умел жить, в отличие от Черкесова. Теперь Федьки нет, он догорает в огне, от него останется горстка обгоревших костей. А Черкесов по счастливой случайности остался жить. И благодарить ему надо жадную любовницу, к которой с пустыми руками лучше не соваться.

Приехала милиция, за ней «скорая». У горевшей машины собиралось все больше народу, толпа стояла плотным кругом вокруг нее, и ментам пришлось разгонять ее. Черкесов вдруг — абсолютно бессознательно! — сдвинулся с места и пошел. Он шел и шел по улице, тупо глядя перед собой, не разбирая дороги, не зная конечной цели. Он думал о том, что остался жить, а Федька погиб.

Неизвестно, сколько времени брел Черкесов по улицам города, вдруг ставшего чужим и враждебным, и пришел на окраину, где ютились одноэтажные дома, а улочки были узкими и кривыми, с выдолбленными дорогами и без тротуаров. Когда тротуар кончился, он, поскользнувшись на пригорке, съехал вниз на пятой точке. И — о, странность человеческой природы! — падая, Черкесов 13

приподнял пакеты в руках, чтобы не разбились бутылки. Он врезался ногами в фонарный столб и с недоумением посмотрел на пакеты. Надо же — нес их от магазина, не замечая тяжести. Пальцы свело судорогой, настолько крепко он сжимал пакеты. Разве важны сейчас пакеты, бутылки? Его убили! Убили...

Черкесов с трудом разжал занемевшие пальцы, осмотрелся по сторонам. Тихо. Изредка раздавался лай собак. Темно. Здесь никто его не догонит. Так ведь за ним и не гнались. Его убили. Но вот придет он домой, потом выйдет на улицу... Те, кто взрывал «самурая», поймут, что не убили Черкесова, и предпримут новую попытку, тогда останутся от депутата городской думы и предпринимателя ножки да рожки, как от Федьки. Только сейчас до Василия Романовича дошло, что участь его предрешена. Но кем? Кто решил его убрать? За что? Подчиняясь единственному инстинкту — спастись, Черкесов схватил пакеты и торопливо зашагал к железнодорожному вокзалу.

* * *

Лишь в электричке, отъехав на значительное расстояние и наблюдая, как огни города уплывают все дальше и дальше, Черкесов задумался: а куда он едет? Билет он попросил в кассе на ближайшую электричку, и ему его дали «до конечной станции». Шел за теми людьми, кто спешил на поезд, так и сел. Ехал, покачиваясь в такт вагону, а перед глазами стоял горевший «самурай». И Федька, охваченный пламенем. А в ушах звучало: убили...

Очнулся Василий Романович, обнаружив, что поезд стоит слишком долго. Он изучил соседей. Рядом сидела дородная тетка с количеством сумок, которым нужны четыре руки, напротив обласкивала друг друга парочка, на них недовольно косился

потертом осеннем пальто. Черкесов придвинулся к дородной тетке и тихонько спросил:

— Скажите, электричка остановится на станции Гороховка?

Тетка слегка отклонилась в сторону, изучая его с неподдельным изумлением. Безусловно, не зная, на какой поезд сел, может либо пьяный, либо чокнутый. Черкесову пришлось оправдаться тем, что пришло в голову:

— Мне сказали, что на маленьких станциях не останавливается...

— Экспресс не останавливается, а эта электричка остановится.

Он поблагодарил и отвернулся к окну, думая, что и на этот раз ему повезло, ибо попал на нужный поезд, а название станции вылетело из уст само по себе, но не случайно. Видимо, интуиция его ведет в место, где действительно Черкесов будет в безопасности. В Гороховке много лет жил в одиночестве его отец. Два года назад он умер, оставив небольшой дом сыну. Но продать его Василий Романович не смог — городских покупателей, желающих приобрести лачугу у черта на куличках в качестве загородного дома, не нашлось, местные тоже не горели желанием купить усадьбу на самом краю деревни. Короче, наследие отца не принесло материальных благ и ветшало. У Черкесова прекрасная дача, так что дом отца оказался ненужным и ему. После бесплодных попыток выручить хоть немного за родовое гнездо он перестал ездить в Гороховку, не был там полтора года.

Черкесов вышел на станции один. Постоял, глядя, как в свете фонаря планируют крупные снежные хлопья. Если бы он два с половиной часа назад сидел в машине, то сейчас не видел бы этих снежных точек, падающих в покое на землю, не знал бы, что смотреть на снег и ощущать себя живым — высшее благо. Он бы так и не понял, что страстно любит жизнь. Да, его бы уже целых два с по-